

Образ империи в «альтернативных историях» современной России

Го КОСИНО

Альтернативная история — это субжанр фантастики, в котором изображается условный мир, разветвленный от реального хода времени, где преобразуется историческая действительность по принципу: как дело могло бы поворачиваться, если бы случилось иначе в какой-то определенный момент истории? Так, «Да не опустится тьма» Спрэга де Кампа (1939), в котором герой, оказавшийся в Римской империи, пытается остановить наступление средневековой «тьмы». В цикле «Патруль времени» Пола Андерсона (1960) герой защищает нормальное течение времени от нарушителей, которые пытаются менять историю. В «Человеке в высоком замке» Филипа Дика (1962) описывается мир, в котором Японская империя и нацистская Германия победили во Второй мировой войне. Самой популярной темой альтернативной истории являются Адольф Гитлер и Третий Рейх, но наблюдаются так же национальные особенности в отражении излюбленного периода истории. Так, американская фантастика часто представляет параллельный мир, где южные штаты взяли верх в Гражданской войне (1861–1865). В последнее время у японцев стала модной «альтернативная Война на Тихом океане», в которой императорская армия побеждала США, применяя любые способы, либо стратегически возможные, либо просто фантастические. Европейские фантасты расположены размышлять об ином исходе жизни и подвигах Наполеона Бонапарта.

Для множества читателей и писателей-фантастов в современной России самым популярным жанром является альтернативная история. В данной работе на основе анализа текущего бума альтернативной истории в России, мы рассмотрим процесс перемен в репрезентации истории, начиная от поисков альтернативы в перестроечное время до ностальгии по потерянной империи после распада СССР. Внимание в основном обращено на тексты двух схожих по теме произведений фантастики: «Укус ангела» Павла Курсанова (2000) и «Евразийскую симфонию» Хольма ван Зайчика (2000–).

В России бум альтернативной истории наступил с середины 90-х годов XX в.¹ Основателем жанра в стране считается Василий Звягинцев. Он уже в 1970-е гг. начал писать неопубликованный тогда цикл «Одиссей покидает Итаку» (1992–), в котором либо белогвардейское правительство на Юге отделилось от революционной России, либо лидером Советского Союза стал не Сталин, а Троцкий. Известный советский фантаст Кир Булычев также написал «Штурм Дюльбера» (2000) из большого цикла «Река Хронос» (1992–). В его альтернативном мире Ленин не ехал в «пломбированном вагоне» весной 1917 г. и победила контрреволюция Колчака. Но под гнетом военных властей молодому Набокову все равно придется покинуть родину. В романе «Гравилет “Цесаревич”» (1993) Вячеслава Рыбакова романовская империя до сих пор процветает благодаря тому, что Великие Реформы Александра II увенчались успехом. Интересно, что Ленин здесь являлся основателем нового вероучения. Вызвавшее споры произведение «Иное небо» (1993) Андрея Лачарчука представляет историю, в которой Германия победила во Второй мировой войне и европейская часть России входит в Третий Рейх.

---

¹ Харитонов Е. «Русское поле» утопий (Россия в зеркале утопий) [http://fandom.rusf.ru/about_fan/haritonov_06.htm] (дата доступа: 1 сентября 2006); Петухова Е.И., Черный И.В. Современный русский историко-фантастический роман [http://fandom.rusf.ru/about_fan/cherny_17.htm] (дата доступа: 1 сентября 2006); Виттенберг В.М. Игры коррективщиков (Заметки на полях «альтернативных историй») // Новое литературное обозрение. 2004. № 66.

1. Жестокости империи восточного происхождения в «Укусе ангела»

В мире «Укуса ангела»² ни Октябрьской, ни какой-либо вообще революции не произошло и Россия становится мощнейшей империей, превзойдя Великобританию и другие западные державы. В предысторической части романа брошенная царевичем любовница Клюква поднимает восстание, призывая к борьбе против империи все периферийные народы, включая донских и кубанских казаков, литовцев и татар, дикие кланы Кавказа, мусульман Средней Азии, зависимые страны в Восточной Европе и даже «воинственное племя волосатых женщин», по обычаю пожирающих своих женихов-пленников. В результате, Российская империя распалась на западную и восточную части и перешла в период междуцарствия. Сюжет этой части напоминает в реальной истории крах либо романовской династии, либо СССР.

Герой романа, Иван Некитаев родился у русского офицера и «китайской хунхузки». В юности он видел странное видение, что ангел приземляется и кусает за горло князя Александра Невского. Это означало, что он был назначен стать властителем империи. Некитаев стал продолжать политическую карьеру как суровый, но талантливый военный офицер, либо усмирив восставших табасаранов на Кавказе, либо успешно проведя разведывательную деятельность против английской спецслужбы «М16» во главе с Джеймсом Бондом. Юный герой империи, поддержанный народом, наконец вступил на вакантный трон царя. Но только что воцаренный Некитаев, якобы следуя немотивированному разрушительному инстинкту, начал жестокую агрессивную войну против западных держав, что может привести к гибели всего мира.

Здесь интересно, что Россия находится в союзе с Поднебесной империей на Востоке (Схема 1). Суровый характер героя и многие

---

2 Крусанов П. Укус ангела. СПб., 2001.

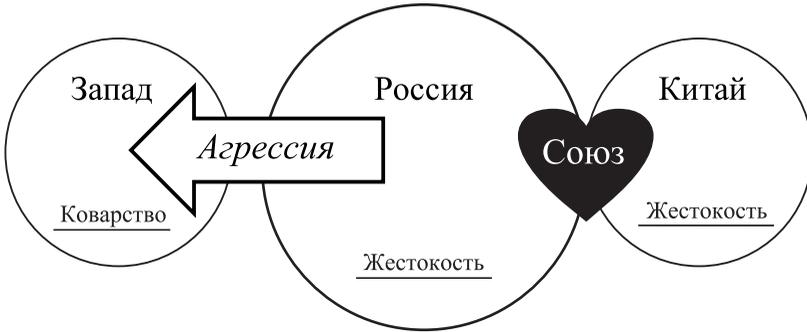

Схема 1 Мировоззрение «Укуса Ангела»

жестокие описания в романе связаны с образами Китая, что будет подробнее рассмотрено ниже. Жестокости восточного происхождения служат орудием России против Запада.

2. Мудрый Восток и варварский Запад в «Евразийской симфонии»

В цикле «Плохих людей нет (Евразийская симфония)»³ исторический пункт разветвления восходит к эпохе монгольского ига. В середине 13-го века хан Сартак в Золотой Орде и князь Александр Невский заключили договор о равноправном объединении Орды и Руси в единую «Ордусь». После политического кризиса в 15-ом веке к ней присоединился Китай. Современная Ордусь представляет собой великую Евразийскую Империю, где царит китайский император Чжу (потомок минской династии), имеются семь улусов и три столицы — Александрия Невская (альтернативный Петербург), Каракорум и Ханбалык (Пекин). Сосуществуют такие разные религии,

3 Зайчик Х.В. Плохих людей нет (Евразийская Симфония). Дело жадного варвара. Дело незалежных дервишей. Дело о полку Игорева. Пер. с кит. Е.И. Худенькова, Э. Выхристюк. СПб., 2005.

как православие, ислам, иудаизм, буддизм, даосизм и конфуцианство.

«Евразийская симфония» по жанру представляется не только фантастикой, а еще детективным романом. Преступные дела при этом расследуют два совсем разных сыщика-силовика; храбрый боец Багатур Лобо, владеющий китайскими боевыми искусствами, и добродушный интеллигент Богдан Рухович Оуянцев-Сю, сведущий в юридической литературе древнего Китая. В первом романе «Дело жадного варвара» американский миллионер Хаммер Цорес (альтернативный Джордж Сорос или Арманд Хаммер?) подкупает братьев Ландсбергис, жителей Прибалтики, и толкает их на кражу сокровищ ордусской культуры. В «Деле незалежных дервишей» действие происходит в имперской периферии «Асланів», где активизируется движение за независимость от Ордуса, которое оказывается под руководством корыстных лже-националистов. Интересно, что жители Асланіва напоминают чеченцев по принадлежности к исламу и горной местности региона с одной стороны, а с другой украинцев по языку и литературе: «асланівський» народный поэт называется Тарсун Шевчи-заде (альтернативный Тарас Шевченко). В третьем романе «Дело о полку Игоре́ве», в свою очередь, русские националисты распространяют фальшивый вариант «Слова о полку Игоре́ве», чтобы разбудить ненависть к восточным народам. По официальной версии истории ордусской литературы князь Игорь совершает мирный поход, чтобы жениться на дочке степного властителя, а реальная поэма, где описывается трагическая война с половцами, является опасной шовинистической фальшивкой в альтернативном мире ван Зайчика.

Хольм ван Зайчик, голландский востоковед, написал все эти романы по-китайски. В «послесловие переводчиков» можно читать интереснейшую биографию писателя, который якобы стал голландским дипломатом и советским разведчиком одновременно, входил в группу Рихарда Зорге в Японии, после войны принял участие в борьбе компартии в Китае, общался с Мао Цзэ-Дуном и так далее. Настоящими авторами «Евразийской симфонии» являются

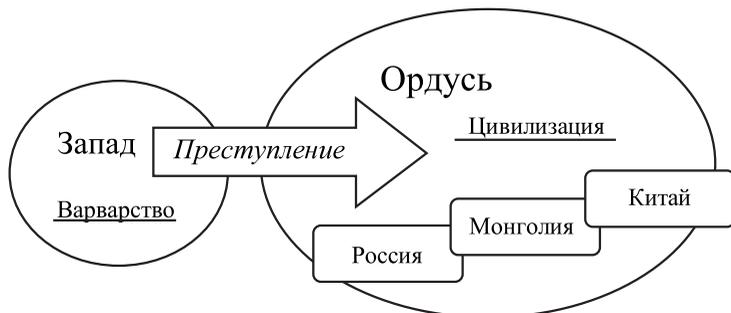

Схема 2 Мировоззрение «Евразийской симфонии»

петербургские фантасты (и востоковеды) Вячеслав Рыбаков и Игорь Алимов, но фиктивный автор «ван Зайчик» и его приключенческое жизнеописание также представляют собой удачное творчество. Туда еще можно добавить фиктивных переводчиков: «Евстафия Худенькова и Эмму Выхристюк».

Россия в составе восточной многонациональной империи противостоит западным народам (Схема 2), что совпадает с мировоззрением «Укуса ангела». Но если в романе Курсанова оружием российской империи становится азиатская жестокость, то в произведениях ван Зайчика ордуские люди превосходят жителей Запада по цивилизованности, пропитанной восточными мудростями конфуцианства, ислама и тому подобных. Нецивилизованными варварами считаются даже американцы и европейцы (еще и японцы).

3. От перестроечной историографии до тоски по потерянной империи

Пересмотр истории начинается в перестроечный период с середины 80-ых гг. При этом больше всего привлекают наше внимание поиски «исторической альтернативы». Сначала в связи с возобновленной критикой Сталина стали упоминать в качестве аль-

тернативы имя Николая Бухарина, который вместо Сталина руководил бы страной, мог бы продолжить НЭП и более либеральным образом построить социализм, избегая пути насильственной коллективизации, культа личности и ГУЛАГа.⁴ «Бухаринский бум» поднялся в 1988 г., когда покойный политик был реабилитирован, в советском обществе. Историки Бордюков и Козлов вспоминают то время немного ностальгически.

В 1988 г. общество просыпалось. Ему важно было вернуть забытое ощущение: история зависит от людей, в истории существует выбор, этот выбор в значительной степени определяется политической волей тех, кто участвует в историческом процессе. Чтобы поверить в альтернативность будущего, психологически важны были альтернативы в прошлом. Чем сильнее обнаруживало себя стремление уйти от прошлого, от сталинской системы, тем большей была потребность вернуться к истокам, к той точке, с которой движение пошло «не туда». И поскольку людям хотелось для своего прошлого лучшей доли, они пристально высматривали в глубине времен доброго героя — антипод преступного вождя.⁵

Но «бухаринская альтернатива» 1988 г. недолго пользовалась популярностью. В конце перестроечного периода резкой критике подвергались не только Сталин и его политика, но и Октябрьская революция и Ленин.⁶ Исторических альтернатив искали еще раньше, в досоветской истории. «Либерального» большевика Бухарина заменил политик имперской России Петр Столыпин на основе следующего аргумента: если бы его реформы в начале XX в. увенчались успехами, никакой революции в России не произошло бы.

На распространение «стольпинской альтернативы» оказал влияние писатель Александр Солженицын.⁷ В цикле исторических

---

4 Robert W. Davies, *Soviet History in the Gorbachev Revolution* (Basingstoke: Macmillan, 1989).

5 Бордюков Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992. С. 55–56.

6 Robert W. Davies, *Soviet History in the Yeltsin Era* (Basingstoke: Macmillan, 1997).

7 Краснов В. Воскрешение Столыпина // Грани. журнал литературы, искусства,

романов «Красное колесо» (1971–) он подробно описывает исторический процесс возникновения революции в России, начиная с ее вступления в Первую мировую войну. Но Солженицын остался недовольным первой частью («узлом») цикла «Август четырнадцатого» (1971) и, в поиске разветвления истории в предыдущий период, в переизданный вариант романа (1984) вставил огромные новые куски в которых описываются жизнь Николая II, Столыпина и его убийцы Дмитрия Богрова. В результате без того уже немалый текст «Августа Четырнадцатого» почти удвоился.

В конце вставленных страниц Николаю II приходится принимать окончательное решение объявить войну без компетентного советника. «Сколько было у него министров, генералов, великих князей, статс-секретарей — а решать он всегда обречен был сам, колеблющейся, измученной душой! Не было такого одного — твердого, умного, превосходящего человека, который взял бы на себя и ответственность, и решение, сказал бы, нет — сразу бы сделал: так, а не иначе!», «Столыпин! — был такой человек. Вот кого не хватало ему сейчас, сию минуту здесь — Столыпин!».⁸ Неоднократное использование сослагательного наклонения подчеркивает чувство сожаления о преждевременной смерти Столыпина (1911), который управлял бы страной, избавляя ее от позорного поражения в войне и революции.

Такая же мысль наблюдается в известной книге Солженицына «Двести лет вместе» (2001) об истории евреев в России. Здесь он положительно оценивает умеренную политику столыпинского правительства по проблемам еврейского равноправия. По не совсем последовательной ироничной логике писателя, если бы еврей-революционер Богров не убил Столыпина в Киеве в 1911 г., то киевские евреи не испытали бы трагедию в Бабьем Яре при гитлеровской оккупации в 1941 г.

науки и общественной мысли. 1986. № 41 (141). С. 154–185.

8 Солженицын А.И. Собрание сочинений. Т. 11. Париж, 1983. С. 449.

Богров убил Столыпина, предохраняя киевских евреев от притеснений. Столыпин — без того был бы вскоре уволен царем, но несомненно был бы снова призван в круговращательном безлудьи 1914–1916, и при нем — мы не кончили бы так позорно, ни в войне, ни в революции. (Если б еще, при нем, мы в ту войну вступили бы.)

Шаг первый: убитый Столыпин — проигранные в войне нервы, и Россия легла под сапоги большевиков.

Шаг второй: большевики, при всей их свирепости, оказались много бездарней царского правительства, через четверть века быстро отдавали немцам пол-России, в том охвате и Киев.

Шаг третий: гитлеровцы легко пришли в Киев и — уничтожили киевское еврейство.⁹

Мы можем различать два направления в поисках исторической альтернативы в современной русской литературе (Таблица). Столыпинская альтернатива тесно связана с ностальгией по дореволюционной России, которая, соединившись с ностальгией по СССР после его распада,¹⁰ составляет особый менталитет: «тоска по потерянной Империи». А бухаринская альтернатива, связанная с ностальгией по 1920-ым гг., якобы быстро исчезла и стала незаметной, но вместе с ностальгией по перестроечному периоду может вырасти и «альтернативный» менталитет: к примеру, тоска по потерянной демократии.

Таблица

Год бума	1988	1991–1992
Альтернатива кого (чему /кому)	Бухаринская альтернатива (сталинской политике)	Столыпинская альтернатива (ленинской революции)
Исторический период	НЭП (1920-ые гг.)	Романовская Россия
Общественное настроение в современной России	Тоска по Перестройке (потерянной Демократии)	Тоска по Советскому Союзу (потерянной Империи)

9 Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1. М., 2001. С. 444.

10 Svetlana Boym, *The Future of Nostalgia* (New York: Basic Books, 2001).

4. «Неоевразийский» взгляд Льва Гумилева и «Новой Хронологии»

Ностальгия по потерянной империи часто совпадает в современной России с так называемым «неоевразийством». На неоевразийское направление (напр. Александр Дугин) большое влияние оказал «лагерный» историк Лев Гумилев, который, в свою очередь, наследовал взгляды многих евразийцев 20–30-х гг. (Петр Савицкий, Николай Трубецкой и др.) По его утверждению,¹¹ «монголо-татарского ига» никогда не существовало в русской истории и Русь с Моголией находилась в союзном отношении. Высоко оценивается Александр Невский, который, заключив равноправный договор с Золотой Ордой, победил шведов и рыцарей Тевтонского ордена, поддержанных Римским Папой (Схема 3).

Известная теория этногенеза Гумилева представляет огромную историческую схему, в которой разные этносы возникают, развиваются и ослабевают (цикл около 1500 лет) в соответствии с

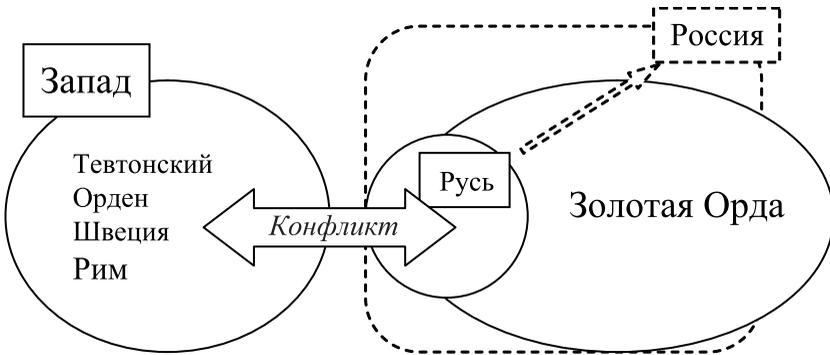

Схема 3 Мировоззрение Льва Гумилева

11 Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989; Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992.

изменением количества «пассионарности», рождающей энергичных и самоотверженных людей в данном этносе. Уже ослабевший в XIII веке этнос Русь смог преобразиться благодаря союзу с Монголией в новый этнос, создавший Россию. Исторические произведения Гумилева стали широко читаться с середины 90-х гг., и оказали влияние на жанр альтернативной истории, в особенности, «Евразийскую симфонию» ван Зайчика.

Гораздо более радикальный подход развивают математики, Анатолий Фоменко и Глеб Носовский в рамках «Новой Хронологии». По их убеждению,¹² «монголы», описанные в исторических документах, оказываются на самом деле русскими казаками, а великая империя Чингиз-хана есть не что иное, как Россия. Чтобы связать концы с концами, разные исторические лица отождествляются. Так, князь Александр Невский считается «дубликатом» хана Берке в Золотой Орде, а Дмитрий Донской отождествляется с его врагом — ханом Тохтамышем.

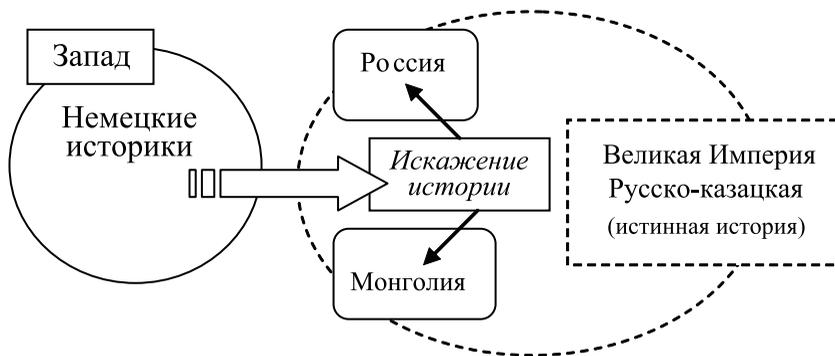

Схема 4 Мировоззрение «Новой Хронологии»

12 Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология Руси. М., 1997. Официальный сайт проекта: Новая Хронология [<http://www.chronologia.org/>] (дата доступа: 1 сентября 2006).

Сторонники «Новой Хронологии» видят разные «сдвиги» в хронологическом порядке исторических материалов, которые следует перенести к более близкому времени. Так что Рюрик в Киевской Руси (IX в.), Чингиз-хан (XIII в.) и московский князь Юрий Данилович (XIV в.) соединяются в одно лицо. В результате «топологической» манипуляции хронологии, территория древне-российской империи становится фантастически-гигантской, включая Римскую империю, Египет, Китай и Японию.¹³ Даже Иисус Христос считается дубликатом владимирского князя Андрея Боголюбского (XII в.)¹⁴ и здесь «сдвиг хронологии» превышает 1000 лет.

Славная история Русско-Казачьей Империи до сих пор оставалась неизвестной, что объясняется искажением материалов немецкими историками (Герард Ф. Миллер, Август Л. Шлецер и др.), которые участвовали в составлении официальной российской истории в XVIII в. Здесь также наблюдается противопоставление Запада России, слитой с восточным миром (Схема 4). Псевдоисторические книги типа «Новой Хронологии» также называются иногда «альтернативной историей», хотя они не имеют прямого отношения к жанру фантастики. Можно сказать, что обе альтернативные истории восходят к одному источнику, ностальгии по потерянной империи.

5. Историко-географические образы в произведениях Курсанова и ван Зайчика

Здесь мы подробно рассмотрим исторические и географические образы, общие в альтернативных историях «Укус ангела» Курсанова и «Евразийская Симфония» ван Зайчика. Они отражают мировоззрение и менталитет, типичные для данного жанра фантастики.

---

13 Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Империя. Великое завоевание. Русь-Орда. Османья=Атамания. Европа. Китай. Япония. Этруски. Египет. Скандинавия. СПб., 2004.

14 Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Царь славян. Русь была крещена Христом в XII веке нашей эры! СПб., 2004.

Это образы Александра Невского, СССР, Китая и Петербурга.

(1) Образ Александра Невского

В романе Курсанова юный герой Иван Некитаев видит галлюцинацию: «Георгий Победоносец в ангельском чине, широким веером, точно кричит над зайцем, распутив крыла, кусал за кадык не то Александра Ярославича, не то артиста, сыгравшего его в кино» (С. 80). Интересно, что князь Александр здесь появляется в лице артиста (Николая Черкасова), играющего его роль в кинофильме «Александр Невский» (1938). Образ победителя Ледового побоища стал и остается популярным в советском обществе после показа кинофильма Эйзенштейна в сталинское время, возбуждая антигерманский и антизападный патриотизм.¹⁵ В общественных представлениях советского времени подчиненное отношение Александра Невского к золотоордынским ханам обычно считалось вынужденным в силу непреодолимых обстоятельств, что отличается от евразийского взгляда в альтернативных историях. Ордуская империя в «Евразийской Симфонии» состоялась благодаря тому, что русский князь Александр с ордынским ханом Сартаком успели создать равноправный союз. Так, один из главных героев сыщик Богдан, готовя завтрак, поет под нос «шлягер шестидесятых»: «Союз нерушимый улусов культурных сплотили навек Александр и Сартак...» (С. 84). Это, конечно, пародия на гимн Советского Союза: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...».

(2) Образ СССР

Несмотря на то, что Курсанов и ван Зайчик описывают альтернативный мир, где не произошло революции, можно увидеть в обоих произведениях исторический образ Советского Союза. В «Укусе ангела», например, по ходу агрессивной войны против Запада рос-

---

15 David Brandenberger, "The Popular Reception of S. M. Eisenstein's Aleksandr Nevskii" in Kevin M. F. Platt and David Brandenberger, eds., *Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda* (Madison: The University of Wisconsin Press, 2006), pp. 233–252.

сыйская армия разрушает самым жестоким образом восставшую Моравию.

С той Моравией, где по деревням, как свидетельствовал этнограф Кундера, хозяева держали в хатах гробы, чтобы время от времени ложиться в них живыми и улыбаться собственному бессмертию. Той Моравии больше не было. Повстанцы сопротивлялись столь упорно, что [...] Баврович с танками и огнеметами прошел по моравским селениям, не зная милости и оставляя за собой изжеванные гусеницами пепелища. Он выбил повстанцев из Остравы, Тршинеца, Брно, Пардубице и Праги. Он так их выбил, что от городов и предместий, со всеми их домами, ратушами, садами и замками, остались одни руины [...] Кроме того, Некитаев велел заложить новые города и снести уцелевшие, а людей переселить с насиженных мест в необжитые. Словом, он решил изменить в этой стране все, чтобы здесь не осталось ни города, ни учреждения, ни звания, ни богатства, которые не были бы обязаны ему своим существованием [...] Такова была цена моравского бунта. (С. 307–308)

Здесь явная реплика на подавление «Пражской весны» Советским Союзом и другими странами Варшавского договора (1968). То, что упоминается имя «этнографа» Кундера, кажется уже слишком безвкусным. В альтернативных историях Курсанова и ван Зайчика имеется общий образ врага. Америка, Англия, Франция и другие западные страны представляются равноправными врагами с одной стороны, а с другой — к бывшим дружественным народам социалистического лагеря в Восточной Европе и Прибалтике относятся иногда с несправедливой злобой. Образы чеченцев и вообще лиц кавказской национальности также употребляются, как образы врага («табасараны» у Курсанова и «Асланівцы» у ван Зайчика).

В ордуcской империи ван Зайчика также можно заметить элементы исторических реалий Советского Союза. Так, жители Ордуси обращаются друг к другу с уважительным словом «единочатель», которое оказывается эквивалентом советского обиходного обращения «товарищ». Это, как объясняется в примечании, буквальный перевод (калька) с китайского языка слова «тунчжи» в оригиналь-

ном (в действительности не существующем) тексте. Авторский неологизм «единочаятель» с одной стороны может представляться изысканной игрой слов двойного перевода через китайский язык, а с другой — ностальгической попыткой отождествления бывшей дореволюционной России и бывшего Советского Союза как беспрерывной империи.

В подлиннике Х. ван Зайчика здесь употреблен сложный и весьма древний китайский политико-философский термин «тунчжи» (同志). В современном китайском он применяется в качестве обращения одного члена компартии к другому и переводится на русский язык как «товарищ». Однако в отличие от слова «таварищ», изначально означающего партнера в том или ином занятии (зачастую, торговом) и фактически синонимичного слову «подельщик», китайское «тунчжи» обозначает людей, имеющих одинаковые стремления, идеалы, чаяния [...] (С. 12)

(3) Образ Китая

В «Укусе ангела» Китай выступает союзником России в войне с Западом. При этом суровый характер Ивана Некитаева и его империи связывается иногда с китайским образом. Так, помощника будущего императора Петра Легкоступова на банкете, устроенном его другом и хозяином Некитаевым, особенно ужаснули «свинные глаза, приготовленные изощренным китайским способом — на раскаленной игле, благодаря чему глазная жидкость закипела прямо под собственной оболочкой, внутри мутнеющего яблока». В конце обжорного стола он застонал; «Господа, это каннибализм!» (С. 132). После, став овальным, бедный Петр воображает себе жестокую казнь, которая в самом деле является каннибализмом, и притом упоминается китайский характер сурового наказания.

—Ты не доживешь до старости, потому что я собственноручно вышибу тебе мозги. — Некитаев в упор смотрел на Петрушу, и в глазах его читался нещадный приговор. [...] Управитель консульской администрации обладал живым воображением, поэтому, зацепившись за

последнее слово, легко представил себе такую — немного в китайском духе — сцену: он сидит, скованный, в уже известном ему кресле-ловушке и видит сторонним взглядом, что у него аккуратно, как у анатомического экспоната, вскрыт череп и обнажены кудряшки мозга. [...] он видит, как Некитаев и, почему-то, Аркадий Аркадьевич, заправив салфетки под воротник, готовят соль, перец и зловещие столовые приборы, чтобы полакомиться его живым, [...] (С. 254)

Если в романе Курсанова азиатская жестокость служит оружием российской империи против Запада, то в альтернативной истории ван Зайчика восточной мудростью ордусская империя превосходит западных «варваров». Между тем такие заимствованные слова, как «практичный» (С. 34), «интеллектуал» (С. 65) и «демократия» (С. 231), считаются порождением варварской культуры Запада. Ордусские люди часто цитируют священную книгу коран, буддистские и даосские каноны, и, в особенности, конфуцианский «Лунь юй». Так, на стене в аэропорту Александрии Невской (Петербург), где главные герои Богдан и Багатур встречают принцессу империи, высечено известное изречение Конфуция.

Между тем в просторной, гулко шуршащей тишине огромного зала ласковый женский голос объявил прибытие ханбалыкского рейса. [...] У открывшихся врат, за которыми видна стала широкая бегучая дорожка, нырявшая под мраморный пол как раз под громадным, на трех языках выбитым в малахите стены знаменитым речением «Учитель сказал: Друг приехал издалека. Разве не радостно?», быстро образовалась преизрядная толпа. (С. 89)

(4) Образ Петербурга / Москвы

В альтернативных историях Курсанова и ван Зайчика контрастные образы обеих столиц России оказываются противоположными традиционному представлению, типичному, например, для русской литературы 19-го века. Если либеральным и западническим «окном в Европу» является Москва, то Петербургу придается антиевропейское и империалистическое значение. Так, в «Укусе ангела» соперник за царский трон Гаврила Брылин является консулом восточной

части империи («Восток», столица Москва). Он изображается как «рядившийся под либерала» (С. 171), «давний сторонник сближения России с Европой и Североамериканскими Штатами, уже испускавшими ядовитый inferнальный душок, подслащенный парфюмом и кленовым сиропом» (С. 172). А Иван Никитаев становится консулом западной части империи («Гесперия», столица Петербург). Петр Легкоступов и другие имперские идеологи также собираются в петербургских салонах.

Во второй книге ван Зайчика «Дело незалежных дервишей» телевизионный комментатор Валери Жискара д'Эстен резко критикует тоталитарность ордусского режима. Она характеризуется как «женщина средних лет, одетая подчеркнуто по-европейски», «вольнодумица и свободословица из Мосыкэ» (С. 322). Древняя столица России в альтернативном мире называется по-китайски «Мосыкэ» (莫斯科, то есть Москва), а северная столица, где живут главные герои «Евразийской Симфонии», обязана своим названием (Александрия Невская) одному из создателей Ордуси князю Александру Невскому и ей придается гораздо более положительное значение, чем Мосыкэ.

Оборотное противопоставление Петербурга и Москвы может объясняться традицией «вывернутая наизнанку страна» в утопической литературе, но еще и отражает реалии современной России. Петербургский писатель Павел Курсанов участвует в пресловутой литературной группе «петербургские фундаменталисты». Имперски настроенные, они опубликовали открытое письмо президенту Путину, в котором утверждается, что границы невидимой Империи Российской распространяются дальше настоящих, включая даже Стамбул (Царьград).¹⁶ Их полусерьезный и полущуточный проект «невидимой империи» является не чем иным, как реализацией альтернативной империи «Укуса ангела». При этом надо отметить, что сам президент Путин также представляет собой особый элемент в образе современного Петербурга.

---

16 Курсанов П. Легионеры незримой империи, Евразийский союз молодежи 7 Августа 2005 [<http://russia3.ru/pkrusanov>] (дата доступа: 1 сентября 2006).

Реальные авторы «Евразийской Симфонии» Вячеслав Рыбаков и Игорь Алимов также живут в Петербурге. Северная столица славится традициями фантастики, связанной с именем одного из братьев Стругацких. Сам Рыбаков был участником известного семинара у Бориса Стругацкого в Петербурге. С середины 1990-х гг. он резко обвинял Запад в несправедливой критике (двойной стандарт) в отношении России во время чеченской войны, что послужило одним из поводов для написания цикла ван Зайчика.¹⁷ Характерно, что многие фантасты того поколения (ученики Стругацких) занимают близкую к нему позицию.

6. Заключение: альтернативная история и «ментальная историография»

На основе текстов альтернативных историй «Укуса ангела» и «Евразийской Симфонии» мы проанализировали репрезентации истории в современной России. Если фантастика времени Советского Союза характеризовалась утопической мечтой о светлом будущем, то в современной фантастике можно увидеть «альтернативную» мечту о потерянном золотом веке. Пересмотр истории, начиная с «либеральной» бухаринской альтернативы, привел к «имперской» столыпинской альтернативе, сопровождаемой ностальгическим сожалением по потерянной империи.

Чувство сожаления типа «если бы...» о невозвратном прошлом должно иметь свое историко-социальное значение, также как и надежда на возможное будущее в советской культуре. Плодотворной и занимательной задачей будет выяснение воображения и менталитета, отраженных на будущее или прошедшее время, в изучении которых пересекаются методы «ментальной географии» и «ментальной историографии».

---

¹⁷ Рыбаков В.М. Избранные места из переписки со всеми // Нева. 2001. № 2. С. 167–183.